

Исследовательская статья

УДК 261.7

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-137-161>

Кесарю — кесарево...? Социальная деятельность РПЦ и её восприятие в контексте мировой политики

Вартан Арсенович Эйриян

МГИМО МИД России, Москва, Россия

vartan_admg@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0667-6331>

Аннотация. Актуальность исследования социальной работы Русской Православной Церкви (далее — РПЦ) в контексте осмыслиения роли церковных институтов в мировой политике продиктована расширением предметного поля их деятельности и растущей значимостью негосударственных структур в политических процессах и международном правотворчестве. Стремление РПЦ оказать поддержку российским государству и обществу ведёт кискажению восприятия сущности государственно-церковных отношений, порождая парадокс политизированного восприятия Церкви. Цель статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать тренд на частичную этатизацию

государственно-церковных отношений сквозь призму социальной деятельности РПЦ. Для достижения этой цели были выполнены следующие задачи: (1) конкретизирована взаимосвязь государственного и церковного начал в современном мире; (2) уточнено понятие социальной работы применительно к церковным институтам; (3) определены нормативная правовая и институциональная основы государственно-церковного взаимодействия в России. Методологической основой работы выступили формально-юридический и институциональный методы, синтез которых осуществлён в рамках системного подхода. Материалами исследования послужили официальные документы Русской Православной Церкви и выступления её иерархов, а также нормативные источники российских органов государственной власти. В результате было выявлено, что: (1) вовлечённость религиозных объединений в политическую жизнь общества неизбежна в силу размытости политических границ в современном мире, однако это не означает реального участия в осуществлении государственной политики, требующего наличия у религиозного объединения фактической, а не номинальной субъектности; при этом этатизация в контексте государственно-церковных отношений может рассматриваться в качестве процесса сближения позиций акторов по общественно значимым вопросам; (2) на современном этапе понятие социальной работы церковных институтов становится шире в связи с влиянием практически любой деятельности этих институтов на внецерковное пространство и возможностью оценивания этой деятельности с социально ориентированных позиций; (3) существующая нормативная правовая основа государственно-церковного сотрудничества не запрещает РПЦ заниматься политической деятельностью, а устанавливает рамки дозволенного; считается,

что расширение институциональной основы взаимодействия акторов отражает потребность общества в нравственной оценке наблюдаемых в современном мире процессов. Показано, что расширение предметного поля социальной деятельности РПЦ может политизироваться зарубежными наблюдателями в силу близости государственного и церковного подходов по многим вопросам актуальной повестки, однако в реальности это свидетельствует не только о частичной этатизации государственно-церковных отношений, сколько о модернизации социальной концепции Церкви в условиях новых вызовов. Успешность государственно-церковного взаимодействия на социальном треке обусловлена эффективностью совершенствующейся институциональной основы этого сотрудничества, а попытки интерпретировать поддержку Церковью российского общества в текущей политической обстановке в качестве политизации церковного института зачастую не учитывают его природу и цели деятельности.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государственно-церковные отношения, религиозные объединения, социальное служение, религия и политика, религия и государство, религиозная политика

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

Для цитирования: Эйриян В. А. Кесарю — кесарево...? Социальная деятельность РПЦ и её восприятие в контексте мировой политики // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 4. — С. 137–161. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-137-161>

Research article

Render Unto Caesar ...? The Russian Orthodox Church's Social Activities and Its Perception in the Context of World Politics

Vartan A. Eriyan

MGIMO University, Moscow, Russia
vartan_admg@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0667-6331>

Abstract. The relevance of studying the social work of the Russian Orthodox Church in the context of assessing the role of religious institutions in global politics is determined by the expanding scope of their activities and the growing significance of non-state actors in political processes and international law-making. The Russian Orthodox Church's commitment to supporting the Russian state and society has led to a distorted perception of the nature of church-state relations, generating a paradox of politicized interpretations of the Church. This article aims to characterize the trend toward partial étatisation of church-state relations through the lens of the Russian Orthodox Church's social activities. To achieve this goal, the following tasks were addressed: 1) to clarify the interplay between state and ecclesiastical institutions in the contemporary world; 2) to refine the concept of social work as applied to church institutions; 3) to identify the legal and institutional foundations of church-state cooperation in Russia. The study employs formal-legal and institutional methods, synthesized within a systemic framework. Research materials include official documents of the Russian Orthodox Church, statements by its hierarchs, and regulatory legal acts issued by Russian public authorities. The analysis revealed the following: 1) the involvement of religious associations in the political life of society is inevitable due to the blurred nature of political boundaries in the modern world, however, this does not equate to actual participation in shaping state policy, which requires a religious association to possess factual, rather

than nominal, subjectivity. It was also found that étatisation in the context of state-church relations can be viewed as a process of convergence of the actors' positions on socially significant issues; 2) at the present stage the concept of social work performed by church institutions is broadening. This is due to the impact of virtually any activity of these institutions on the extra-ecclesial space and the possibility of evaluating this activity from socially-oriented perspectives; 3) the existing regulatory legal framework for state-church cooperation does not prohibit the Russian Orthodox Church from engaging in political activity but rather establishes the boundaries of what is permissible. It is argued that the expansion of the institutional basis for interaction between the actors reflects a societal need for a moral assessment of the processes observed in the modern world. The analysis demonstrates that the expansion of the Church's social activities may be perceived as politicized by foreign observers due to the proximity of state and ecclesiastical positions on key current issues. However, in reality, rather than indicating partial étatisation of church-state relations, it instead reflects the modernization of the Church's social doctrine in response to emerging challenges. The effectiveness of church-state cooperation in the social sphere is driven by the evolving institutional framework of this partnership, while attempts to interpret the Church's support for Russian society in the current political climate as institutional politicization fail to account for the essential nature and objectives of its mission.

Keywords: Russian Orthodox Church, Church-State Relations, Religious Associations, Social Service, Religion and Politics, Religion and State, Religious Policy

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

For citation: Eriyan, V. A. (2025) 'Render Unto Caesar ...? The Russian Orthodox Church's Social Activities and Its Perception in the Context of World Politics', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(4), pp. 137–161. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-137-161>

Введение

Церковь, будучи «Телом Христовым» (Кол. 1:24), не занимается политической и не осуществляет политическую деятельность. Однако если догматическая корректность приведённого выше фрагмента послания апостола Павла к Колоссянам сомнений не вызывает, то с правовой точки зрения ситуации предстает куда более сложной. В частности, в России на федеральном уровне законодательно закреплено положение, согласно которому государство «не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти» (ч.2 ст.4 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»). Также запрещено

и «создание религиозных объединений в органах государственной власти, органах публичной власти федеральной территории...» (ч.3 ст.6)¹. При этом правовой нормы о запрете религиозным организациям заниматься политической деятельностью в ФЗ нет.

В свою очередь, Апостольские правила, являющиеся одной из основ церковного права, предусматривают запрет на занятие духовными лицами мирскими (Ап. 6) и военными делами (Ап. 83), а также народным управлением (Ап. 81), но ожидаемо не оперируют понятием «политика», самим по себе достаточно широким. В 1994 г. Архиерейский Собор РПЦ указал на «нежелательность членства священнослужителей в политических партиях, движениях, союзах, блоках и иных подобных

¹ Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

организациях, в первую очередь ведущих предвыборную борьбу»². Уже позднее было детализировано, что это «неучастие церковной Полноты в политической борьбе ... не означает её отказа от публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам, от представления этой позиции перед лицом органов власти любой страны на любом уровне»³.

Иными словами, в случае России и РПЦ ни федеральное законодательство, ни источники церковного права прямо не запрещают ведения церковью политической деятельности, а лишь устанавливают нормативные рамки дозволенного. В иных юрисдикциях ситуация может отличаться в зависимости от законодательства страны и церковно-правовых норм конкретного религиозного объединения⁴.

За последние годы всё чаще можно заметить вовлечение в политическую повестку христианских церковных институтов, из-за чего может сложиться впечатление частичной этатизации государственно-церковных отношений. Современные авторы также говорят о «вепонизации религии»⁵, что особенно хорошо видно в условиях ситуации на Украине, где конфликт между Украинской Православной Церковью (УПЦ) и раскольнической Православной Церковью Украины (ПЦУ) имеет ярко выраженный политический подтекст.

Процессы, наблюдаемые на постсоветском пространстве и во многом ведущие к попытке отторжения от РПЦ других

церковных институтов, протекают на фоне прямого заказа со стороны государственных структур. Эта ситуация противоречит законодательству большей части постсоветских государств, согласно которому церковь отделена от государства. Своего рода модельным актом в этом плане ещё в январе 1918 г. послужил Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Тем не менее игнорировать политизацию деятельности отдельных церквей и преследование церковных деятелей по политическим мотивам сложно. Классическая формула в Евангелии от Матфея, как известно, гласит: «Тогда говорит им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21). Однако в реальности между государством и церковью наблюдается скорее некий союз *ad hoc*, приводящий к сближению государственных и церковных интересов в политической сфере, что влечёт за собой частичную этатизацию государственно-церковных отношений и межцерковного диалога.

Само понятие «этатизация» в контексте данного исследования можно трактовать по-разному. В отечественной науке была предложена такая дефиниция термина, как «расширение роли государства в какой-либо сфере человеческой жизнедеятельности и/или распространение его регулирования на области, в которые оно ранее не вмешивалось» [Черкашин, 2020: 60]. Подобный подход разделяется

² Определение «О взаимоотношениях Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время» // Официальный сайт Московского Патриархата. 2009. 18 янв. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/88642>

³ Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2008. 9 июн. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

⁴ Российское законодательство оперирует понятием «религиозное объединение», включая в него «религиозные организации» и «религиозные группы», дифференцируемые прежде всего по формальному статусу и правоспособности (религиозные организации, в отличие от религиозных групп, являются юридическими лицами и обладают соответствующей правоспособностью). В соответствии с российскими правовыми нормами РПЦ является религиозной организацией. Далее в статье, говоря о «церкви», автор имеет в виду прежде всего РПЦ в контексте российских правовых реалий, осознавая, что, во-первых, дифференциация религиозных объединений в других юрисдикциях может выглядеть иначе и, во-вторых, что институт церкви существует не во всех христианских конфессиях. Соответственно, при желании перенести рассуждения автора на другие реалии с учётом правового ландшафта зарубежного государства уместно говорить о религиозных объединениях в целом.

⁵ Вепонизация (от англ. «weapon» — оружие) — использование в качестве оружия (в широком смысле — в качестве инструмента давления) мирных по своим природе, характеру и/или предназначению объектов. См.: Воротников В. В., Пареньков Д. А. Церковь и политика. Испытание новой реальностью: аналитический доклад. Москва: МГИМО-Университет, 2022. С. 13-14.

и И. А. Пибаевым, концентрирующимся на конституционно-правовом регулировании статуса священнослужителей и на праве социального обеспечения в отношении духовенства [Пибаев, 2022; 2025]⁶. Применительно к РПЦ этот взгляд на этатизацию кажется нам требующим корректировки в силу того, что учитываются интересы и поведение лишь государства, но не самой церкви.

Полагаем, что, с одной стороны, под этатизацией можно понимать сближение позиции актора (в данном случае — РПЦ) по общественно значимым вопросам с позицией государства, а также потенциальную демонстрацию политической лояльности, которая может перерастать в укрепляющуюся зависимость от государственных структур. С другой — за ней могут скрываться реальное участие в осуществлении государственной политики и оказание существенного влияния на межгосударственные отношения.

Вовлечённость в политику как сферу жизни общества так или иначе просматривается в каждом из этих вариантов, однако выбор одного из этих векторов интерпретации этатизации во многом ведёт к разговору о наличии или отсутствии у той или иной церкви реальной субъектности. Обладающая не номинальной, а фактической политической субъектностью⁷ церковь может оказывать значительное влияние на межгосударственные отношения, что вызывает в памяти ситуацию, известную по средневековым реалиям. В то же время церковь, чья политическая субъектность номинальна, т.е. церковь отделена от государства, но в силу тех или иных факторов (внутренней разобщённости, низкого ресурсного потенциала и т.д.) она не может в действительности выступать в качестве

самостоятельного актора, способна лишь демонстрировать политическую лояльность, однако являясь субъектом внутриполитических и международных процессов она не в состоянии.

Сложность измерения соотношения политической и правовой субъектности и связанных с этим тезисов о векторах потенциальной этатизации можно проиллюстрировать на следующем примере. Несмотря на вовлечённость церквей в международные процессы, субъектами международного публичного права (МПП) они всё же не являются. Особое место среди церковных институтов занимает лишь Святой Престол, который в силу своего авторитета и значимости для католиков по всему миру признаётся специфическим субъектом МПП (в этом контексте он зачастую упоминается наравне с Мальтийским Орденом, также обладающим особым международно-правовым статусом).

Разумеется, это не означает, что церкви не влияют на международное правотворчество и в целом на процесс принятия решений на международном уровне. К настоящему времени известно множество примеров международных неправительственных организаций (МНПО) религиозного (церковного) характера. Показательно, что среди них есть как универсальные (Всемирный Совет Церквей), так и региональные (Всемирный Совет Церквей Ближнего Востока) МНПО, что следует общему тренду на регионализацию международно-политического поля [Феномен регионализма..., 2024]. Более того, и при квазиорганизациях (параорганизациях) функционируют площадки, объединяющие представителей различных церквей и направленные на обсуждение современной политической повестки. Наиболее ярким примером

⁶ Стоит оговориться, что в текстах материалов автор не использует понятие «этатизация», однако включение термина в число ключевых слов обеих статей указывает на то, что И. А. Пибаев рассматривает исследуемую им тематику как частное проявление процесса этатизации. В данном случае, надо полагать, как стремление государства кодифицировать правовые нормы, связанные со статусом священнослужителей и их социальными правами.

⁷ Речь в данном случае идёт не о правовой, а именно о политической субъектности, т.е. о способности актора выступать в качестве самостоятельного участника политических отношений и принимать самостоятельные политические решения. Далее в статье в контексте субъектности разговор всегда ведётся о политической субъектности, так как правосубъектность производна от норм гражданского законодательства конкретного государства.

подобного, на наш взгляд, можно считать Международный межрелигиозный форум G-20 (G-20 Interfaith Forum), сотрудничество с которым осуществляется и РПЦ⁸. Подобные форматы взаимодействия церковных деятелей, в результате которых они высказывают свою позицию по основным проблемам современности, опосредованно влияют на правотворчество таких субъектов МПП, как государства и международные межправительственные организации. Таким образом, церкви, не обладая в большинстве своём правосубъектностью в международно-правовом смысле, всё же оказывают влияние на политические процессы и межгосударственные отношения.

Несмотря на дискуссионность положений о векторах этатизации и возможность выделения прочих направлений и проявлений этого феномена, в рамках данной статьи автор концентрируется преимущественно на первом из представленных им векторов. В российском контексте нас интересует, наблюдается ли со стороны РПЦ дискурсивное или практическое сближение позиций по общественно значимым вопросам с государством, и если да — в чём это сближение проявляется. В силу невозможности уточнить меру сближения государственной и церковной позиций по всем вопросам в рамках одной статьи автор концентрируется в первую очередь на проблематиках социального характера (социальной работе), причины выбора которых приведены далее.

Религия и политика

Исторически религия, и христианство в частности, оказывали и оказывают существенное влияние на разнообразные сферы общественной жизни. В разрезе международных отношений достаточно вспомнить,

что в своё время видный юрист-международник Шарль де Вишер полагал правильным увязывать возникновение МПП с христианством⁹. Нельзя также не вспомнить максиму Фернана Броделя: «Никогда ни одна проблема не остаётся заключённой лишь в одну рамку»¹⁰. Соответственно, вопрос государственно-церковного сотрудничества, оказывающего влияние на международные отношения, должен быть исследован сквозь разные призмы, что позволит подойти к происходящему сегодня более объёмно.

Не будем лукавить — этатизация государственно-церковных отношений и политизация деятельности отдельных церквей начались не сегодня. В довольно жёсткой форме на эту тему высказывался ещё Н. А. Бердяев, отмечавший, что «царство Кесаря терпело христианство, когда оно к нему приспособлялось и его обслуживало»¹¹.

В правовом поле применительно, в частности, к России и постсоветскому пространству государство и церковь отделены друг от друга, и спорить с этим означало бы игнорировать конституционные нормы этих стран. Впрочем, часть исследователей склонна подвергать сомнению вытекающий из Конституции России принцип равенства религиозных организаций перед законом (ст.14) в силу существования т.н. традиционных религий [Dunajeva, Koesel, 2025: 3-4].

С политической же точки зрения нам кажется корректным придерживаться подхода, обозначенного в своё время Р. Н. Лункиным: к концу XX в. религиозные организации были «полностью исключены из сферы публичной политики», однако можно говорить о «новых формах политической деятельности» [Лункин, 2020b: 36–37]¹². В результате этих активностей

⁸ См., например: Приветствие Святейшего Патриарха Кирилла участникам международного межрелигиозного форума G20 «Религия как источник решения глобальных проблем» // Официальный сайт Московского Патриархата. 2022. 14 ноя. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/5972744.html>

⁹ Visscher C. Theory and Reality in Public International Law. Princeton, 1957. P. 4.

¹⁰ Бродель Ф. Очерки истории. Москва: Академический проспект; Альма Матер, 2015. С. 23.

¹¹ Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Москва: Республика, 1995. С. 84.

¹² К примеру, говоря о христианских церквях на постсоветском пространстве, Р. Н. Лункин иллюстрирует свой тезис их «активным участием в выработке новой политической идентичности различных стран в этом регионе мира» [Лункин, 2020b: 284].

государство получает «поддержку со стороны патронируемых религий» [Узланер, 2019: 21].

Может показаться, что международная проблематика требует изучения в первую очередь внешних церковных сношений или внешней церковной деятельности, которую также называют «церковной дипломатией». Данные вопросы, как и межцерковные отношения, исследованы довольно подробно. Авторами нередко отмечается значимость церквей как акторов международной политики, происходящая во многом из легитимизирующей и коммуникативной функций религии [Касаткин, 2010a; 2010b]. Актуальным дипломатическое измерение видится некоторым исследователям и в контексте этатизации: так, по мнению В. В. Печатнова, «сближение Церкви и российской дипломатии представляется частью процесса сближения Церкви и государства в России» [Печатнов, 2017: 153].

В то же время справедлив подход современных специалистов, призывающих отказаться от бинарности в вопросе о том, является какая-то проблема религиозной или нет. По их мнению, вместо уточнения этой бинарности при анализе международных и внешнеполитических тематик (особенно вооружённых конфликтов) нужно изучать, какую роль в этих тематиках может играть религиозный фактор и какое место в них он может занимать [Mandaville, 2021: 94]. Впрочем, в этом контексте уместно разделять религиозную по природе и/или характеру проблему и проблему, в которой прослеживаются религиозное измерение

и/или религиозный фактор. К примеру, можно вспомнить конфликт в Нагорном Карабахе, в котором прослеживалось религиозное измерение (дипломатическая поддержка Армении или Азербайджана со стороны христиан или мусульман¹³, соответственно; использование религиозно окрашенной риторики государственными деятелями обеих сторон¹⁴; переговорный формат между представителями РПЦ и Армянской Апостольской Церкви, а также главой Духовного управления мусульман Кавказа¹⁵), однако, с нашей точки зрения, это не означает, что сам по себе конфликт является религиозным и что сама нагорно-карабахская проблема носит религиозный характер.

В данной связи уместно предположить: сведение многообразия ролей церковных институтов в международных процессах исключительно к внешней церковной деятельности — чрезмерное упрощение. Церкви, оказывающие существенное влияние на идентитарное измерение и функционирование гражданского общества, становятся объектом государственной политики, что воспринимается другими государствами сквозь призму международных отношений.

Так, можно вспомнить, как в 2024 г. на Украине было запрещено почитание ряда икон, ассоциируемых с Россией и РПЦ, параллельно с чем митрополит Киевский и всея Руси Иона, первый глава автокефальной РПЦ, был объявлен архитектором церковного раскола¹⁶. Актуальности этим рассуждениям придают и события лета 2025 г., когда украинскими властями было

¹³ В частности, дипломатическую поддержку официальному Баку оказывал Пакистан, руководствовавшийся сообщениями мусульманской солидарности и по этой причине не устанавливавший дипломатические отношения с Арменией вплоть до осени 2025 г., а также блокировавший вступление республики в ШОС.

¹⁴ Известной в этом контексте является произнесенная в 2007 г. фраза С. Саргсяна, занимавшего на тот момент пост премьер-министра Армении, а затем возглавившего южнокавказскую республику: «We are at the edge of Christianity». См.: 'There are no Christians to the east of us' // Los Angeles Times. 2007. 19 окт. URL: <https://www.latimes.com/business/la-oew-sargsyan19oct19-story.html>

¹⁵ Одна из подобных встреч была инициирована после т.н. «четырёхдневной войны» в апреле 2016 г. См.: РПЦ готова быть посредником в урегулировании конфликта в Карабахе // РИА Новости. 2016. 13 апр. URL: <https://ria.ru/20160413/1409898856.html>

¹⁶ В РПЦ отменили почитание ряда Богородичных икон и святых «связанных с РПЦ» // Союз православных журналистов. 2024. 16 июл. URL: <https://spzh.eu/ru/news/81184-v-ptsu-otmenili-pochitanie-rjada-bohorodichnykh-ikon-i-svatykh-svazannykh-s-rpts>

инициировано лишение гражданства митрополита УПЦ Онуфрия (Березовского)¹⁷. Подобные действия говорят о формальной схожести отдельных практик межцерковных и межгосударственных отношений: запреты поминовения икон похожи на культуру отмены, а составление списка «запрещённых иерархов» — на персональные санкции и перечни недружественных государств и деятелей. Копирование трендов из области межгосударственных отношений влечёт за собой превращение сферы межцерковных отношений в поле для политического противостояния, несмотря на недопустимость этого ни с точки зрения национальных правовых норм, ни с позиции здравого смысла.

При всей вольности приведённого сравнения стоит признать, что государства и церкви оказывают влияние друг на друга, по меньшей мере, на постсоветском пространстве. Сфера межцерковных отношений продолжает подвергаться политизации, а отдельные шаги религиозных организаций воспринимаются государствами как удар в адрес стран и народов, а не самих церквей. В свою очередь, церкви, обладая разным уровнем реальной, а не номинальной субъектности, учитывают политическую повестку и действуют соответственно ей. Схожие размышления в контексте украинского кризиса в своё время привели отечественного исследователя С. И. Каспэ к выводу о возможности дальнейшей реализации следующего сценария: «... враги Церкви станут врагами государства, а враги государства — врагами Церкви» [Каспэ, 2019: 90].

В контексте государственно-церковных отношений актуализируется и проблема этнофилетизма, под которым понимается стремление Поместных Церквей ставить национальные интересы выше христианских или общецерковных. Несмотря на историческую взаимосвязь этого феномена с Константинопольским собором

1872 г. [Венедиктов, 2017], современные авторы подчёркивают, что сегодня ересь этнофилетизма становится «инструментом обвинения инакомыслящих», а попытки использовать эти обвинения в адрес РПЦ в контексте ситуации на Украине «стоят на очень шатком основании» [Шленнов, 2023: 248]. Религиозный ландшафт России и Украины привлекает к теме этнофилетизма внимание и западных авторов: часть исследователей апеллирует к инструментализации Церкви и сомневается в возможности разделения политического и религиозного начал [Elsner, 2025: 131], другая же признаёт невозможность полноценного анализа сложившейся ситуации вне этнофилетического контекста [Elenskii, 2015; Denysenko, 2020; Grigoriadis, 2022]. Впрочем, релевантность данному сюжету придаёт не только украинский кейс, но и Критский собор 2016 г. Несспособность представителей Поместных Церквей найти консенсус по всему спектру поднятых на соборе вопросов интерпретируется отдельными экспертами как доказательство существования этнофилетизма [Hofmeisterová, 2019]. Подобный подход в целом вторит существующей в западной литературе традиции смотреть на политico-религиозные вопросы сквозь призму категорий нации и идентичности [Groen, 1998; Loudovikos, 2012; Louth, 2012; Aleksov, 2019].

Измерения церковно-политического: подходы, материалы, инструментарий

Данные соображения ведут к необходимости анализа деятельности религиозных организаций в нескольких измерениях: по нашему мнению, следует учитывать правовые основы государственно-церковных отношений, при этом параллельно исходить из потребности восприятия данных процессов с позиций и государства, и церкви. Следствием такого подхода является

¹⁷ Заявление председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ в связи с лишением гражданства Украины Блаженнейшего митрополита Онуфрия // Официальный сайт Московского Патриархата. 2025. 2 июл. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/116380>

многообразие допустимого методологического инструментария, который может быть задействован для формирования целостной картины.

Государственно-церковные отношения могут изучаться как при помощи нормативного анализа и формально-юридического метода, так и посредством институционального подхода, позволяющего определить место церкви как социально-го института в системе общества. Следует допустить, что совмещение этих двух методов в рамках одной статьи может оказаться менее результативным, чем работа с каждым из них по отдельности, однако такая призма даёт возможность взглянуть на изучаемую проблему более комплексно. Дополнительное значение, таким образом, приобретает и системный подход, использование которого направлено на выявление значимости церковной деятельности в системе международных отношений.

Особое внимание при проведении анализа мы уделили не только нормативно-правовой базе государственно-церковного диалога, но и социальной работе церкви, в нашем случае — РПЦ. По нашему мнению, значимость социально ориентированной деятельности церкви проистекает из того, что посредством этой деятельности РПЦ стремится преобразовать внецерковное пространство, что в глазах других государств ассоциативно близко государственным внутриполитическим практикам. Тем самым складывается следующий парадокс: не занимающиеся политикой церкви становятся «заложниками» политизированного восприятия государств и сами предстают в виде субъектов (а чаще — инструментов) политики.

Социальное измерение в этом контексте стоит трактовать довольно широко. В частности, Р. Н. Лункин полагает верным называть это «широкой социальной деятельностью» [Лункин, 2020b: 7], включая в неё всю помочь церквей в решении стоящих перед населением проблем.

Уточняя категориальный аппарат, оговоримся, что в отношении РПЦ чаще используется понятие «социальное служение», однако в исследовательской среде также применяются такие термины, как «социальная работа», «социальные практики» и др. Как было зафиксировано на Архиерейском Соборе РПЦ в феврале 2011 г., «социальное служение Церкви (благотворительность, социальная деятельность, диакония) — это инициированная, организованная, координируемая и финансируемая Церковью или с помощью Церкви деятельность, имеющая своей целью оказание помощи нуждающимся»¹⁸.

В то же время, с точки зрения государства, социальная работа может трактоваться именно в расширительном ключе: практически любая деятельность РПЦ во внецерковном пространстве накладывает отпечаток на пространство общественное. По этой причине в данной статье, апеллируя к социальной работе, автор подразумевает такую деятельность РПЦ, оценивать полезность которой для государства и общества можно с социально ориентированных позиций. Несмотря на безусловную расплывчатость этой definicции, в рамках которой могут быть включены подходы РПЦ к большинству социально значимых вопросов, она, на наш взгляд, отвечает запросам отмеченного тренда на частичную этатизацию церковного пространства, при котором понятийные границы могут размываться.

Отчасти это соответствует и сделанной на Архиерейском Соборе 2011 г. оговорке, что «социальное служение Церкви не может сдерживаться или ограничиваться религиозными, национальными, государственно-политическими или социальными рамками. Церковь простирает своё человеческое не только на своих членов, но и на тех, кто к ней не принадлежит...»¹⁹.

Таким образом, вероятно, можно говорить, во-первых, о расширении в современном мире предметного поля категории

¹⁸ О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 4 фев. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html>

¹⁹ Там же.

«социальное служение» в связи с появлением новых вызовов, к выработке ответа на которые привлекаются и негосударственные институты. Во-вторых, о допустимости использования в исследовательских целях понятия «социальная работа», которое по своему содержанию является шире первой категории и отражает, скорее, государственный взгляд на осуществление церковью социально значимой деятельности.

Краткий обзор релевантных научных наработок

Стоит оговориться, что сама по себе тема социальной работы РПЦ не нова для научно-исследовательского сообщества. Специалистами подвергались анализу такие её аспекты, как содержание категории социального служения [Бардиер, 2018; Зальцман, 2012; Костылева, 2013], вклад религиозных организаций в осуществление социальной работы в России [Антонова, Костина, 2009; Зенков, 2019; Петрова, 2009], характер государственно-церковного взаимодействия на современном этапе [Солнышкина, Миронова, 2019; Томилина, 2018] и в исторической ретроспективе [Зубанова, 2016; Махно, 2020; Сипягина, 2019]. В фокус внимания учёных попадали также такие частные проявления вопроса, как гендерный дискурс социальной работы РПЦ [Белова, 2011; Денисова, 2014] и подходы РПЦ по противостоянию современным вызовам [Лункин, 2018; 2020а] и др. С точки зрения компаративистики интересными представляются труды, в которых освещается специфика социально ориентированной деятельности и других православных церквей [Шиманская, 2022]. Большее внимание влиянию социальной деятельности религиозных организаций на международное измерение уделяют зарубежные исследователи [Annichino, 2022; Stoeckl, 2022; 2023], оценивающие вклад РПЦ в формирование международной ценностной повестки и обеспечение безопасности.

Обращение к проблематике социального служения РПЦ исследователей разных профилей подтверждает тезис о её многогранности, следствием чего является

невозможность целостного раскрытия этой проблематики с позиций одной дисциплины и парадигмы. Результатом отказа от междисциплинарного подхода зачастую становится либо акцент на подходах самой РПЦ (в то время как механизмы её взаимодействия с властью и увеличивающееся число ответственных за эту деятельность ведомств и/или их структурных подразделений отодвигаются на второй план), — либо критика этого подхода с позиций внешнего наблюдателя, плохо представляющего реальные процессы в рамках самой РПЦ. На этом фоне от аналитиков нередко ускользает и проблематика влияния социальной деятельности церкви на международные отношения. При этом интернационализация самой социальной деятельности, а также дискурсивные практики, реализуемые РПЦ при проведении этой деятельности, чаще становятся предметом изучения западных специалистов, нежели российских исследователей.

Как нам кажется, анализ механизмов государственно-церковного сотрудничества, направлений социальной деятельности РПЦ и их потенциального влияния на международные процессы с учётом церковного дискурса мог бы способствовать прояснению сущности упомянутой этатизации (либо опровергнуть довод об актуальности этой тенденции применительно к деятельности РПЦ).

Наш основной тезис состоит в том, что в данном случае можно говорить о наличии тренда на частичную этатизацию государственно-церковных отношений, который можно выделить и охарактеризовать посредством изучения социальной деятельности РПЦ. На основании этих данных можно сделать вывод о том, каким образом эта деятельность оказывается на международном измерении.

Базовая гипотеза при этом может быть сформулирована следующим образом: в настоящее время наблюдается расширение предметного поля социальной деятельности РПЦ, сообразное вектору государственной политики на международной арене. В глазах других государственных акторов это явление может выглядеть как процесс политизации церковной повестки,

а также вызывать подозрения в использовании религиозных организаций в качестве инструмента международной политики. Уточнение обоснованности этих подозрений, впрочем, не входит в задачи автора и должно являться предметом отдельного изучения, так как требует другого методологического обеспечения.

Нормативная основа государственно-церковных отношений в России

Напомним: ключевым актом, регулирующим деятельность религиозных организаций в России, является федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г., в соответствии со ст.18 которого данные институты имеют право заниматься благотворительностью, создавать культурно-просветительские, образовательные и иные организации и учреждать средства массовой информации при условии соответствия данных видов деятельности уставным целям и задачам²⁰. Согласно ст. 10 данного закона, сами виды деятельности религиозной организации должны быть конкретизированы в её уставе. Тем самым закладывается основа государственного регулирования социальной деятельности всех церквей в России.

В то же время глава I «Общие положения» Устава РПЦ²¹, принятого на Архиерейском Соборе 2000 г., не содержит прямого указания на цели, задачи и виды деятельности РПЦ, однако приводит перечень источников церковного права, в соответствии с нормами которых функционирует РПЦ. К таковым, помимо прочих, отнесены и постановления Архиерейских Соборов, имеющие ключевое значение в контексте социального измерения РПЦ. Они определяют руководящие принципы

осуществления РПЦ социальной работы и могут быть представлены в виде концепций, заявлений и позиций РПЦ [Маслакова, Липич, 2023: 415].

Все данные источники производны от Основ Социальной Концепции (далее — ОСК) РПЦ, принятых в августе 2000 г. и отражающих представления Московского Патриархата (далее — МП) о модели государственно-церковных отношений в Российской Федерации. Особая значимость ОСК РПЦ обусловлена ещё и тем, что они послужили «модельным» документом при составлении другими религиозными организациями в России их социальных концепций [Зуев, 2010: 35].

Заявляя о необходимости разграничения сфер компетенции светской власти и церкви, авторы ОСК подчеркивают возможность сотрудничества государства и церкви в отдельных областях при условии невмешательства в дела друг друга. Это взаимодействие разных по своей природе институтов порождено осознанием государства невозможности достижения благоденствия населения при отсутствии ценностной рамки, конструированию и поддержанию которой должна способствовать деятельность Церкви.

Несмотря на указание в качестве приоритета аксиологической функции церкви, авторы ОСК отмечают, что РПЦ, чьей миссией является «спасение рода человеческого», стремится достичь своей цели в т.ч. посредством совершения «благих дел, направленных на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира»²². Соответственно, можно сделать вывод о том, что церковный инструментарий не ограничивается дискурсивными практиками, но предполагает также осуществление активной деятельности, результатом которой может являться воздействие на внецерковную среду.

²⁰ Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

²¹ Устав Российской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 22 июл. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/>

²² Основы Социальной Концепции Российской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2008. 9 июн. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

Особо важен в контексте современного тренда на частичную этатизацию церковного пространства и зафиксированный в ОСК РПЦ принцип проявления христианского патриотизма одновременно в этническом и гражданском измерениях, что свидетельствует о значимости данной нормы при работе с идентитарной повесткой. По мнению РПЦ, национальное начало не должно затмевать веру, которая в подобном случае рискует быть низведена «до одного из аспектов национального самосознания»²³, однако этот тезис не противоречит возможности осуществления РПЦ деятельности, способствующей формированию гражданской, а не этнической идентичности. К таковой следует отнести не только воспитательно-патриотическую, но и социальную работу в широком смысле слова, результативность которой может служить подтверждением успешности государственно-церковного сотрудничества и повышать уровень доверия населения к соответствующим институтам.

Подчеркнём: выступая в качестве концептуальной рамки, ОСК РПЦ указывают лишь на отдельные области социальной работы церкви. К примеру, в ОСК РПЦ было включено положение, акцентирующее внимание на «печаловании перед государственной властью о нуждах народа, о правах и заботах отдельных граждан или общественных групп»²⁴, которое исторически считается одним из направлений трудов РПЦ. В отношении международного измерения, которому посвящён отдельный раздел ОСК РПЦ, принципиально положение, согласно которому целью церковной деятельности является «утверждение христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне»²⁵. Впрочем, инструментарий утверждения этих ценностей церковью не конкретизируется.

Детализации прочих видов социально значимой деятельности посвящены последующие документы Архиерейских Соборов. Так, направления и уровни социальной работы РПЦ уточняются в принятом на Архиерейском Соборе в феврале 2011 г. документе «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви»²⁶.

Осуществление РПЦ социальной деятельности координируется в рамках пятиуровневой структуры, условно соотносящейся с трёхуровневой системой государственного управления в России. Так, служение в монастырях и на приходском уровне соответствует местному уровню управления; благочиннический и епархиальный уровни — региональному, а общецерковный — федеральному. Общее курирование социальной деятельности относится к сфере ведения Синодального отдела по церковной благотворительности и церковному служению, в задачи которого входит в т.ч. и взаимодействие с органами государственной власти по вопросам своей компетенции.

Существование данной пятиуровневой структуры церковной социальной работы не только способствует выстраиванию продуктивного государственно-церковного сотрудничества, но и позволяет оперативно реагировать на возникающие на местном уровне социальные вызовы и проблемы. В частности, на общецерковном и епархиальном уровнях осуществляется лишь координация социальной работы, сопряжённая с разработкой типовых документов, распространением информационно-аналитических материалов и т.д., в то время как взаимодействие с органами местного самоуправления вынесено на благочиннический уровень.

Значимость социального измерения для РПЦ может быть прослежена и за счёт систематизации проблематик,

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 4 фев. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html>

рассмотренных на Архиерейских Соборах и, соответственно, получивших нормативное отражение в их материалах. Работа с молодёжью^{27, 28}, права человека²⁹, экологическая повестка³⁰, тюремное служение³¹, профилактика алкоголизма³², ювенальная юстиция³³, статус плода и эмбриона³⁴, а также положение коренных малочисленных народов³⁵ – лишь часть из тем, к которым обращались иерархи РПЦ за последние два десятилетия.

Постепенное расширение предметного поля социальной деятельности РПЦ продиктовано тесной взаимосвязью между различными общественными феноменами, в силу чего даже вопросы, не относящиеся напрямую к компетенции РПЦ, привлекают внимание отечественных православных деятелей.

Так, весной 2023 г. со стороны РПЦ прозвучал призыв запретить использование искусственного интеллекта с человеческим лицом или голосом по причине потенциально деструктивного влияния нейросетей на детскую психику³⁶. В данном случае, на наш взгляд, можно говорить о корреляции технологического прогресса и трансформации ценностного набора современного человека, которой обусловлено стремление РПЦ обозначить свой взгляд на проблематики, оказывающие воздействие на нравственное состояние

российского социума. Таким образом, находит подтверждение исследовательский тезис о формировании «социальной доктрины православия ... под влиянием стремительных и противоречивых процессов модернизации всех сторон жизни российского общества...» [Сметанина, 2015: 80].

В связи с этим можно ожидать дальнейшего уточнения позиции РПЦ по наиболее актуальным вопросам, связанным с социальным измерением, выражением чего должны будут стать материалы последующих Архиерейских Соборов. В то же время конкретизации могут подвергнуться и акты РПЦ, положения которых посвящены проблематикам, релевантность которых сохраняется, а сущность — трансформируется. Подобные феномены находят своё отражение как на национальном, так и на международном уровнях, вследствие чего позиция РПЦ может быть принципиальна для православных во всём мире. В частности, к таковым могут быть отнесены заявление Архиерейского Собора РПЦ о противодействии экстремизму и терроризму, а также обращение Архиерейского Собора РПЦ по вопросам демографии.

Несмотря на справедливость заложенных в них нормативных основ (к примеру, указания на то, что борьба с терроризмом «требует, прежде всего, ясного понимания духовных причин современного

²⁷ Об организации молодёжной работы в Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 6 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1639899.html>

²⁸ Концепция организации молодёжной работы и молодёжного служения в Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2022. 24 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5911694.html>

²⁹ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Официальный сайт Московского Патриархата. 2008. 26 июня. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>

³⁰ Позиция Русской Православной Церкви по актуальным проблемам экологии // Официальный сайт Московского Патриархата. 2013. 4 фев. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775125.html>

³¹ Миссия тюремного служения Русской Православной Церкви и пенитенциарные учреждения // Официальный сайт Московского Патриархата. 2013. 12 мар. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078.html>

³² Концепция Русской Православной Церкви по утверждению трезвости и профилактике алкоголизма // Официальный сайт Московского Патриархата. 2014. 25 июл. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>

³³ Позиция Русской Православной Церкви по реформе семейного права и проблемам ювенальной юстиции // Официальный сайт Московского Патриархата. 2013. 4 фев. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2774805.html>

³⁴ О неприкосновенности человека с момента зачатия // Официальный сайт Московского Патриархата. 2023. 27 дек. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6088088.html>

³⁵ Заявление Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о жизни и проблемах коренных малочисленных народов // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 3 фев. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401214.html>

³⁶ РПЦ призвала запретить использование человеческих лиц и голосов в технологиях ИИ // Коммерсантъ. 2023. 26 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5953876>

терроризма³⁷), стремительное обновление всех сторон общественной жизни может потребовать от РПЦ внесения в документы поправок и уточнения инструментария ответов на вызовы современности. В частности, может пополниться список «греховых страстей», обуславливающих необходимость субстантивной работы с демографической повесткой: кроме уже перечисленных «нравственной распущенности, алкоголизма, наркомании»³⁸, сказывающихся на демографической ситуации в стране, в перечень могут войти новые пристрастия, в т.ч. и в киберпространстве³⁹.

Институциональная основа государственно-церковных отношений в России

При анализе институциональной основы государственно-церковного сотрудничества в социальной сфере существенную сложность для исследователя может представлять то, что многие синодальные учреждения РПЦ так или иначе задействованы в социальной работе, а их деятельность оказывает влияние на внецерковное пространство. При подобном расширительном трактовании существует риск восприятия практически всех «функциональных подразделений» РПЦ в качестве ответственных за осуществление социально полезной деятельности.

Несмотря на разнообразие органов, в сферу ведения которых входит проведение социальной работы, их можно классифицировать следующим образом. Часть из них отвечает за взаимодействие с отдельными социальными категориями (молодёжь, казачество), часть курирует диалог с государственными структурами (Синодальные отделы по тюремному служению, а также

по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами). В контексте интернационализации социальной проблематики особой значимостью обладают те органы, чьи дискурсивные практики де-факто формируют у общества восприятие церковной деятельности: важнейшим среди них можно назвать Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ. Наконец, развитие государственно-церковных отношений сложно было бы представить без такого структурного подразделения МП, как Правовое управление МП.

Ряд этих органов обладает коллегиальным статусом (патриаршие и синодальные комиссии), ряд же представлен на уровне синодальных отделов. В отдельных случаях создаются советы и комитеты, чьи компетенции также могут иметь отношение к социальной работе (Патриарший совет по культуре и Учебный комитет РПЦ).

Разветвлённая структура учреждений и органов РПЦ подчёркивает комплексный характер её деятельности, требующей от церковного руководства обеспечения организационного единства в целях достижения максимальной эффективности перечисленных институций. Показательно, что число органов исполнительной власти Патриарха Московского и всея Руси и Священного Синода продолжает увеличиваться в связи с трендом на расширение предметного поля деятельности РПЦ. Так, последними образованными синодальными учреждениями являются Синодальная комиссия по биоэтике (2021 г.), заменившая существовавший ранее Церковно-общественный совет по биомедицинской этике, и Синодальная комиссия по иконописи (2023 г.), деятельность которой можно рассматривать в контексте социальной

³⁷ Заявление Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о противодействии экстремизму и терроризму // Официальный сайт Московского Патриархата. 2008. 7 июн. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418910.html>

³⁸ Обращение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви по вопросам демографии (Москва, 2004 г.) // Официальный сайт Московского Патриархата. 2008. 8 июн. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418912.html>

³⁹ К примеру, на заседании Бюро президиума Всемирного русского народного собора в октябре 2024 г. Патриарх Кирилл подчеркнул, что «угрозы, связанные с развитием искусственного интеллекта, ещё не до конца изучены...». Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Бюро президиума Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 31 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6170962.html>

работы (это уместно хотя бы потому, что данная комиссия ведёт работу по популяризации иконописного искусства).

В свою очередь, органы государственной власти располагают системой структур, осуществляющих взаимодействие с религиозными организациями и РПЦ в частности. Диалог РПЦ и Государственной Думы (ГД) ведётся по линии Комитета ГД по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений. При Президенте Российской Федерации функционирует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями. Продолжает свою работу Межрелигиозный совет России, почетным председателем которого является Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев).

Взаимодействие с РПЦ осуществляют и федеральные органы исполнительной власти. Многими из них заключаются соглашения о сотрудничестве с РПЦ: к примеру, подписаны подобные договоры между РПЦ и Министерством культуры⁴⁰, Министерством здравоохранения⁴¹, Министерством труда и социальной защиты⁴². В контексте современных политических

процессов и деятельности РПЦ по защите традиционных ценностей показательно заключение в 2024 г. аналогичного соглашения с Росгвардией⁴³.

Часть российских ведомств располагает структурными подразделениями, ответственными за диалог с религиозными организациями. Так, при Министерстве обороны действуют Управление по взаимодействию с религиозными объединениями, а с 2023 г. и Координационный межконфессиональный совет при заместителе Министра обороны РФ⁴⁴. Согласование подходов РПЦ и федеральных органов исполнительной власти может осуществляться в рамках рабочих групп⁴⁵, а может принимать форму совместной организации мероприятий, примером чего можно считать проведение в 2023 г. Всероссийских спортивных игр благоверного князя Александра Невского и Всероссийского форума «Вера и спорт»⁴⁶. Среди прочих федеральных органов исполнительной власти диалог с РПЦ поддерживают, в частности, Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН)⁴⁷, Федеральное архивное агентство (Росархив)⁴⁸ и Федеральная таможенная служба (ФТС)⁴⁹.

⁴⁰ Соглашение между Министерством культуры РФ и Русской Православной Церковью // Официальный сайт Московского Патриархата. 2012. 3 мая. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2199116.html>

⁴¹ Соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Российской Федерации и Русской Православной Церковью // Официальный сайт Московского Патриархата. 2015. 18 июня. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4124569.html>

⁴² Соглашение о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации // Официальный сайт Московского Патриархата. 2019. 28 июн. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5461720.html>

⁴³ Состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Федеральной службой войск национальной гвардии // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 14 мар. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6111564.html>

⁴⁴ Митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл принял участие в первом заседании Координационного межрелигиозного совета при заместителе Министра обороны РФ — начальнике Главного военно-политического управления Вооруженных Сил РФ // Официальный сайт Ставропольской митрополии. 2023. 27 мар. URL: <https://stavropol-eparhia.ru/mitropolit-stavropolskij-i-nevinnomyskij-kirill-prinjal-uchastie-v-pervom-zasedanii-koordinacionnogo-mezhreligioznogo-soveta-pri-zamestitele-ministra-oborony-rf-nachalnike-glavnogo-voenno-politiche/>

⁴⁵ О XXVI заседании Рабочей группы по взаимодействию МИД России и Русской Православной Церкви // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2024. 26 янв. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1927918/

⁴⁶ В Кемерове открылись Всероссийские спортивные игры благоверного князя Александра Невского и Всероссийский форум «Вера и спорт» // Официальный сайт Московского Патриархата. 2023. 14 сен. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6059251.html>

⁴⁷ Соглашение о сотрудничестве между Федеральной службой исполнения наказаний и Русской Православной Церковью // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 22 фев. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1414718>

⁴⁸ Соглашение о сотрудничестве между Московской Патриархией Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) и Федеральной архивной службой России (Росархив) // Официальный сайт Федерального архивного агентства. 2003. 18 дек. URL: http://archives.gov.ru/documents/agreement_church.shtml

Безусловно, многообразие государственно-церковного сотрудничества в современной России не исчерпывается упоминанием перечисленных выше структур и форм их работы. Критически важной в деле обеспечения соответствия деятельности религиозных организаций правовым нормам российского законодательства является работа Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции. Также важно отметить, что взаимодействие между упомянутыми институтами не замыкается исключительно на ведомственной основе. Весомый вклад в проведение социальной работы вносят общественные организации и движения (к примеру, МОО «Союз православных женщин» и ООД «Россия Православная»).

Приведённые примеры подтверждают два принципиальных для современного российского общества тезиса. Первый: наличие разветвлённой системы органов и учреждений как государственной власти, так и РПЦ, посредством которых осуществляется государственно-церковное взаимодействие в социальной сфере. Увеличение числа подобных подразделений свидетельствует о значимости деятельности РПЦ во множестве областей и, по мнению авторов Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, направлено на реализацию положений этого документа: в нём прямо указано, что необходимо учитывать «накопленный культурно-исторический опыт» и взаимодействовать с религиозными организациями, чтобы «своевременно и эффективно реагировать на новые

вызовы и угрозы»⁵⁰. Второй тезис состоит в том, что модернизация системы органов государственно-церковного взаимодействия в социальной сфере осуществляется в соответствии с текущими общественно-политическими тенденциями и общим трендом на частичную этатизацию церковного пространства.

Если вернуться к вопросу о том, почему часть иностранных деятелей и исследователей склонна оценивать социальную деятельность РПЦ с политических позиций⁵¹, необходимо признать: в условиях наличия разветвлённой системы государственно-церковного взаимодействия может возникнуть соблазн восприятия церковных подходов как квазигосударственных, несмотря на недопустимость отождествления церковных организаций и государственных органов с правовой точки зрения.

Социальная деятельность РПЦ на современном этапе: новые вехи

Существование в России чётких нормативной и институциональной основ государственно-церковного сотрудничества позволяет РПЦ максимизировать эффективность оказания гуманитарной помощи. Данная сфера деятельности всегда являлась одним из ключевых направлений социальной работы РПЦ, однако особую актуальность она получила в условиях проведения специальной военной операции (СВО).

Ещё в марте 2022 г. в Москве был образован церковный штаб адресной помощи беженцам⁵², отчёты о деятельности которого на постоянной основе публикуются

⁴⁹ Соглашение о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Федеральной таможенной службой России // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 23 авг. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1603477.html>

⁵⁰ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2022. 9 ноя. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

⁵¹ См., к примеру: Порсирор христиан: в ФРГ призвали к мораторию на диалог с патриархом РПЦ Кириллом // Eurasia Daily. 2022. 10 июн. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/10/possorit-hristian-v-frg-prizvali-k-moratoriyu-na-dialog-s-patriarhom-rpc-kirillom>

⁵² В Москве открылся церковный штаб адресной помощи беженцам // Официальный сайт Московского Патриархата. 2022. 10 мар. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5907767.html>

на сайте МП. В дальнейшем также были открыты региональные центры в Белгороде, Курске, Мариуполе и Ростове-на-Дону. Помощь пострадавшим мирным жителям оказывается всеми епархиями в соответствии с рекомендациями, подготовленными Синодальным отделом по церковной благотворительности и социальному служению⁵³. Важно отметить, что поддержка гарантирована всем нуждающимся вне зависимости от того, каков их правовой статус и соответствует ли он зафиксированному в ФЗ «О беженцах». С марта 2022 г. на постоянной основе осуществляется сбор денежных средств на нужды мирного населения⁵⁴.

В благочиниях создаются гуманитарные отделы, на базе которых собираются продукты питания, одежда, средства первой необходимости. Сбор помощи населению проводится всеми епархиями вне зависимости от их близости к зоне конфликта, подтверждением чего служит, к примеру, факт передачи Шадринской епархией (Курганская митрополия РПЦ) 1.5 тонн гуманитарной помощи нуждающимся⁵⁵.

При содействии РПЦ волонтёры оказывают мирному населению ремонтную и медицинскую помощь. Синодальным отделом по церковной благотворительности и социальному служению был инициирован проект по ремонту жилых домов в ДНР. В течение периода с марта 2023

по ноябрь 2024 гг. в города, расположенные в зоне конфликта, направились 1155 добровольцев. Учебным центром Центральной клинической больницы святителя Алексия, митрополита Московского, организованы курсы по уходу за больными, благодаря чему на момент конца ноября 2024 г. в Москве и Московской области в уходе за больными принимают участие более 500 волонтёров⁵⁶.

При проведении социальной работы учитываются потребности отдельных категорий населения. РПЦ смогла обеспечить школьников из многодетных семей аппаратурой для дистанционного обучения⁵⁷, людей с проблемами со здоровьем — глюкометрами, небулайзерами и тонометрами⁵⁸. Семьи беженцев могут получить консультацию психологов и юристов, а их дети имеют возможность заниматься с репетиторами из числа волонтёров⁵⁹. Известны случаи, когда РПЦ направляла в зону конфликта различные инструменты и даже листы оцинкованного материала⁶⁰.

В дискурсе РПЦ акцент делается на единении российского общества на основе общего духовного наследия. Выступая в октябре 2024 г. на VIII Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, Патриарх Кирилл напомнил о том, что даже в годы Великой Отечественной войны руководство СССР обратилось к гражданам с церковным приветствием,

⁵³ Рекомендации епархиям Русской Православной Церкви по оказанию помощи беженцам из Донбасса // Официальный сайт Московского Патриархата. 2022. 22 фев. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5903157.html>

⁵⁴ По благословению Святейшего Патриарха Кирилла объявляется сбор средств на помощь беженцам и пострадавшим мирным жителям // Официальный сайт Московского Патриархата. 2022. 3 мар. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5905909.html>

⁵⁵ Приходы Витебской епархии приняли участие в благотворительной акции помощи беженцам с Украины. Информационная сводка о помощи беженцам (за 4–14 октября 2024 года) // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 17 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/24576.html>

⁵⁶ Гуманитарный отдел Симферопольского районного благочиния передал гуманитарную помощь в зону конфликта. Информационная сводка о помощи беженцам (за 12–19 ноября 2024 года) // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 22 ноя. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6176734.html>

⁵⁷ Отчет о церковной помощи пострадавшим в Курской и Белгородской областях за 10–16 октября // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 18 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/69940.html>

⁵⁸ Отчет о церковной помощи пострадавшим в Курской и Белгородской областях за 2–9 октября // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 10 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6164717.html>

⁵⁹ В Северодонецкой епархии раздали помощь нуждающимся. Информационная сводка о помощи беженцам (за 6–11 ноября 2024 года) // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 13 ноя. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6174352.html>

⁶⁰ Ростовская епархия передала гуманитарную помощь в четыре ПВР Горловки. Информационная сводка о помощи беженцам (за 1–3 октября 2024 года) // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 5 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6163291.html>

исходящим из «глубин нашей общей истории». По мнению предстоятеля РПЦ, «эти слова действительно достигли сердец тех, кто слушал выступление Сталина»⁶¹. Православными иерархами последовательно доносится мысль о культурной близости граждан России и Украины, подчёркивается общность их «культурного кода». В то же время Патриархом Кириллом были подвергнуты критике лица, которые на фоне боевых действий и стремления добровольцев оказать посильную помощь нуждающимся проявляют «легкомысленную беззаботность»⁶², непозволительную в современных условиях.

Поддержка оказывается и военнослужащим, находящимся в зоне СВО. При православных храмах силами добровольцев плетутся маскировочные сети⁶³, отливаются окопные свечи⁶⁴, шьётся нижнее бельё. На момент конца 2023 г. 700 священнослужителей совершили более 2200 поездок в зону СВО, 7 священников погибли⁶⁵. При этом уже к концу 2024 г. число побывавших в зоне СВО выросло до показателя более 2500 священников⁶⁶. По словам протоиерея Дмитрия Василенкова, количество представителей РПЦ, на постоянной основе помогающих фронту, должно и дальше расти, ведь «самые сильные воины — это воины религиозно мотивированные»⁶⁷.

Параллельно с актуализировавшимися на фоне СВО треками сохраняет свою релевантность и аксиологическая функция деятельности РПЦ. Так, в конце октября 2024 г. Патриарх Кирилл вновь акцентировал внимание на том, что «подмена ценностей, фальсификация национальной истории, умаление роли христианства в создании государственности нашего народа есть некий вызов подлинным ценностям Русского мира»⁶⁸. РПЦ поддержала законопроект о запрете в России идеологии чайлдфри, хотя и призывала внести в него поправки, учитывающие монашеский образ жизни⁶⁹. В целях профилактики аборта и борьбы с демографическим кризисом, который, по словам предстоятеля РПЦ, «в каком-то смысле ставит вопрос само наше будущее»⁷⁰, в ряде субъектов России в «папку помощи», иллюстрирующую виды поддержки беременных и родивших женщин, стали включать письмо от Патриарха Кирилла⁷¹. Все эти направления по сути отвечают духовным ориентирам, закреплённым в рамочных документах; а их интерпретация представляет собой результат легитимации соответствующих дискурсивных практик, бытующих в общественном сознании представителей различных общественных групп — прежде всего, православных сообществ и их предстоятелей.

⁶¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на VIII Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 30 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6170453.html>

⁶² Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Бюро президиума Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 31 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6170962.html>

⁶³ Представители Русской Православной Церкви передали на фронт военным инженерам маскировочные сети // Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. 2024. 5 фев. URL: <https://mil.ru/dobro/news/more.htm?id=12499094@egNews>

⁶⁴ Марфо-Мариинская обитель приглашает добровольцев плести маскировочные сети // Православие.Ru. 2023. 7 июн. URL: <https://pravoslavie.ru/154129.html?ysclid=m49tuhw6c6218678758>

⁶⁵ Священников повысят в звании // Коммерсантъ. 2023. 30 ноя. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6366417>

⁶⁶ В РПЦ рассказали, сколько священников побывало на фронте // РИА Новости. 2024. 27 ноя. URL: <https://ria.ru/20241127/svyaschenniki-1986064593.html>

⁶⁷ «Молиться «врагах» — «Главный батюшка СВО» — о русских и украинцах, войне и мире // RTVI. 2025. 22 июн. URL: <https://rtvi.com/stories/molitsya-o-vragah-glavnyi-batyushka-svo-o-russkih-i-ukraineцах-vojne-i-mire/>

⁶⁸ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Бюро президиума Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 31 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6170962.html>

⁶⁹ РПЦ призвали доработать законопроекты о запрете пропаганды чайлдфри // ТАСС. 2024. 18 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22163205>

⁷⁰ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Бюро президиума Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 31 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6170962.html>

Государственно-церковные отношения: парадокс восприятия

Как уже отмечалось, в настоящее время поддержка со стороны российского государства и общества, направленная в адрес церковной социальной работы, нередко становится причиной искажённого восприятия РПЦ зарубежными акторами, представляющими государства, общественные организации, церковные структуры и даже исследовательские сообщества. Примером могут служить санкции (согласно российской доктрине — «односторонние ограничительные меры», так как санкции уполномочен вводить лишь Совет Безопасности ООН⁷²), введённые в отношении предстоятеля РПЦ. Их введение было обосновано «явной поддержкой российской военной агрессии на Украине»⁷³. Подчеркнём: это решение было принято в первые месяцы проведения СВО, когда система церковной поддержки общества, как было показано ранее, ещё носила ограниченный характер, т.е. мотивировка санкций была политизирована и связана с дискурсом РПЦ. Аналогичное обвинение со временем было выдвинуто чешскими властями, также внесшими главу РПЦ в санкционные списки⁷⁴. С нашей точки зрения подобные акции свидетельствуют, что стремление посредством санкций воздействовать на церковный институт не является единичным случаем.

Оговоримся, что санкции являлись «таргетированными», т.е. касались лишь

конкретного физлица, а именно Патриарха Кирилла, а не всей РПЦ как юрлица. Разумеется, можно позиционировать санкционное давление на предстоятеля РПЦ исключительно как демонстрацию несогласия с его общественно-политической позицией, однако в условиях широкой кампании по борьбе с РПЦ, как будет показано далее, такое суждение представляется ошибочным. Вероятно, можно говорить о том, что персонализация санкций в данном случае свидетельствует, во-первых, о персонификации общественно-политического дискурса РПЦ в глазах западных стран, во-вторых, о потенциальном стремлении спровоцировать раскол внутри самой РПЦ (впрочем, даже если такое намерение было, кажется крайне маловероятным, что именно санкции в отношении Патриарха могли бы привести к достижению этой цели). Наконец, это могло означать и нежелание создавать прецедент применения санкционного инструментария в отношении Поместных Церквей. Так или иначе, согласимся с отечественным специалистом, отметившим как риски «избыточного комплаенса зарубежных контрагентов РПЦ», так и «расширение измерения конфликта»⁷⁵.

Нападения на приходы РПЦ за рубежом, подтверждённые заместителем председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В. В. Кипшидзе⁷⁶, политическая борьба против РПЦ на территории Эстонии⁷⁷ и Латвии⁷⁸, выступления высокопоставленных западных политиков (в частности,

⁷¹ В 16 регионах беременных будут выдавать письмо Патриарха Кирилла // Коммерсантъ. 2024. 19 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7247034>

⁷² Политика санкций: понятие, институты, практики: учебно-методические материалы №11 / И.Н. Тимофеев, О. С. Рождественская, Т. С. Соколова, П. И. Чуприянова. Москва: НП РСМД, 2024. С. 7–8.

⁷³ Великобритания ввела санкции против патриарха Кирилла // РБК. 2022. 16 июн. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/06/2022/62ab05d29a794726f998e214>

⁷⁴ Чехия внесла патриарха Кирилла в национальный санкционный список // ТАСС. 2023. 26 апр. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17618165>

⁷⁵ Тимофеев И. Санкции Великобритании против патриарха Кирилла. Прощение и смиление в ответ // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 17 июн. URL: <https://ru.valdaclub.com/a/highlights/sanktsii-velikobritaniii-protiv-patriarkha-kirilla/>

⁷⁶ «Церковь вне политики». Вахтанг Кипшидзе — о конфликте на Украине, мобилизации священников, абортах и контактах с УПЦ // RTVI. 2022. 1 ноя. URL: <https://rtvi.com/news/czerkov-vne-politiki-vahtang-kipshidze-o-konflikte-na-ukraine-mobilizovannyyh-svyashennikah-abortah-i-kontaktah-s-upcz/>

⁷⁷ «Подвели под монастырь». Конец антирусской кампании в Прибалтике уже близко // РИА Новости. 2025. 16 мая. URL: <https://ria.ru/20250516/monastyr-2017122993.html>

⁷⁸ «Власти перешли черту». Что стоит за «независимостью» церкви в Латвии // РИА Новости. 2022. 10 сен. URL: <https://ria.ru/20220910/tserkov-1815761782.html>

президента ФРГ Ф.-В. Штайнмайера⁷⁹), содержащие обвинения в адрес РПЦ и её иерархов, — этим характеризовалось отношение ряда западных держав и политиков к РПЦ последние годы. Тех фактов, что дискурс РПЦ зозвучен официальной российской позиции, а социальная работа церкви направлена на поддержку российского общества, оказалось достаточно для начала полноценной борьбы с «влиянием» одной из Поместных Церквей.

Показательно, что эта кампания вышла за национальные рамки и стала частью повестки и многосторонних институтов. Так, Парламентская Ассамблея Совета Европы (PACE) приняла резолюцию, в соответствии с которой не только Патриарх, но и иерархи РПЦ были объявлены «последователями российских преступлений»⁸⁰. На момент осени 2025 г. в рамках программы главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен «Европейский щит демократии» постулируется, что РПЦ представляет угрозу для европейских государств и необходимо прилагать усилия для борьбы с её влиянием⁸¹. Эта борьба может носить декларативный характер, ограничиваясь заявлениями и обвинениями со стороны чиновников и экспертного сообщества, а может перерастать в применение политico-правовых средств с целью оказания давления на РПЦ⁸².

Главный парадокс заключается в том, что данные действия, во-первых, продиктованы логикой межгосударственных отношений, а вовсе не отношений межцерковных, что в свою очередь является показателем восприятия РПЦ в качестве

квазигосударственного актора. Они основаны на отказе РПЦ в любой субъектности и исходят из тезиса, что все её действия продиктованы государственными интересами. Во-вторых, подобные шаги, будь они попыткой обеспечить безопасность стран Запада или же «переубедить» РПЦ, влекут за собой противоположную реакцию. Давление в адрес РПЦ ведёт не к смене вектора её деятельности, но, напротив, к выражению солидарности с российскими государством и обществом. Таким образом, обвинение РПЦ в огосударствлении её подхода лишь усиливает амплитуду дальнейшей «этатизации», пусть даже частичной.

Заключение

Этатизация церковного пространства, которая выражается в сближении государственной и церковной позиций по общественно значимым вопросам, может быть прослежена в ряде измерений, одним из которых является социальное. В российских реалиях можно наблюдать активное участие РПЦ в осуществлении социальной работы, направленной на поддержку мирных граждан и военнослужащих в связи с проведением СВО. Комплексный характер этой деятельности и её результивность обусловлены существованием чётких нормативной и институциональной основ государственно-церковного взаимодействия, вовлечённостью РПЦ в общественную жизнь страны и внутрицерковным потенциалом самой РПЦ. Расширение предметного поля социальной деятельности РПЦ и увеличение числа структур и/или

⁷⁹ German President's speech to the WCC on the leadership of the Russian Orthodox Church // Orthodox Times. 2022. 31 aug. URL: <https://orthodoxtimes.com/german-presidents-speech-to-the-wcc-on-the-leadership-of-the-russian-orthodox-church/>

⁸⁰ PACE recognizes Russian Orthodox Church as tool of Russian influence and propaganda // Orthodox Times. 2024. 18 apr. URL: <https://orthodoxtimes.com/pace-recognizes-russian-orthodox-church-as-tool-of-russian-influence-and-propaganda/>

⁸¹ В выступлении эксперта, посвящённом данному вопросу, РПЦ — инструмент российской внешней политики, т.е. речь идёт о борьбе с влиянием и государства, и церкви.
См.: Special committee on the European Democracy Shield Ordinary meeting // Multimedia Centre of the European Parliament. 2025. 22 sep. URL: https://multimedia.europarl.europa.eu/en/webstreaming/special-committee-on-european-democracy-shield-ordinary-meeting_20250922-1545-COMMITTEE-EUDS

⁸² См., к примеру: Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с принятием Верховной Радой Украины законопроекта, направленного на ликвидацию Украинской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2024. 22 авг. URL: <https://www.patriarchia.ru/document/111695>

институций, ответственных за реализацию государственно-церковного сотрудничества, отражают общественную потребность в нравственной оценке процессов, наблюдаемых в современном мире.

В то же время это же расширение предметного поля вкупе с включением РПЦ в число институтов, осуществляющих поддержку российского населения в контексте СВО, ведёт к заявленной изначально этатизации государственно-церковных отношений в глазах иностранных наблюдателей. Обвинения в политизации РПЦ, трансформировавшиеся в полноценную кампанию против её «влияния» на национальном и международном уровнях, не только декларируются, но и формализуются при помощи политico-правового инструментария. Преследуя цели обеспечения собственной безопасности, иностранные

государства или отдельные группы лиц, прибегая к подобным методам, лишь усиливают солидарность РПЦ с российскими обществом и государством. Тем самым рождается порочный круг, обусловленный, по нашему мнению, искажением восприятия деятельности института, который имеет принципиально иную (по сравнению с государственными акторами) природу. В результате негативный международный резонанс в адрес РПЦ как института, активно продвигаемый недружественными России силами, создаёт не только дополнительную напряжённость в межгосударственных отношениях, но и атмосферу, способствующую нормализации процесса размывания рамок между государственными и церковными институтами, что не может со временем не коснуться их собственных обществ и религиозных организаций.

Список литературы:

Антонова О. И., Костина Н. Б. Роль религиозных общин в реализации социальной политики // Социологические исследования. — 2009. — № 9. — С. 89–96.

Бардиер Г. Л. Операционализация смысловых связей между понятиями «социальная ответственность», «социальный капитал», «социальное служение» // Acta Eruditorum. — 2018. — № 25. — С. 69–71.

Белова Т. П. Женское православное общественное движение в современной России // Женщина в российском обществе. — 2011. — № 2. — С. 101–108.

Венедиктов В. Ю. К проблеме этнофилетизма: исторический очерк. Часть IV // Studia Humanitatis. — 2017. — № 2. — С. 14.

Денисова Л. Е. Женщины в контексте диаконического служения Русской Православной Церкви // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 17. — С. 157–160.

Зальцман Т. В. Социальное служение как вид церковной социальной работы // Ученые записки Российского государственного социального института. — 2012. — № 7. — С. 26–28.

Зенков А. Р. Деятельность Русской Православной Церкви в социальной сфере: институты и социальные практики // Южно-российский журнал социальных наук. — 2019. — Т. 20, № 4. — С. 63–73. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-63-73>

Зубанова С. Г. Характер государственно-церковных отношений в исторической ретроспективе и правовая основа социальной практики РПЦ // Общество: философия, история, культура. — 2016. — № 2. — С. 50–57

Зуев Ю. П. Социальные концепции религиозных объединений России: первый опыт самоопределения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2010. — Т. 28, № 4. — С. 35–45.

Касаткин П. И. О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах // Вестник МГИМО-университета. — 2010а. — № 1. — С. 257–261. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-1-10-257-261>

Касаткин П. И. Русская Православная Церковь как актор современной мировой политики // Вестник МГИМО-университета. — 2010б. — № 6. — С. 141–151. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-141-151>

Каспэ С. И. Украинский церковный раскол: политические проекции // Россия в глобальной политике. — 2019. — Т. 17, № 1. — С. 80–93.

Костылева Т. А. Категории социального служения и основные понятия, связанные с ним // Омский научный вестник. — 2013. — № 3. — С. 89–92.

Лункин Р. Н. Русское православие перед лицом социальных вызовов: волонтерство и христианская реабилитация групп риска // Вестник Пермского университета. Политология. — 2018. — № 2. — С. 156–171.

Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской Православной Церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2020а. — Т. 22, № 4. — С. 547–558. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558>

Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. — Москва: Нестор-История, 2020б. — 504 с.

Маслакова А. В., Липич В. В. Религиозные предпосылки социальной концепции Русской Православной Церкви // Nomothetika: Философия. Социология. Право. — 2023. — Т. 48, № 2. — С. 413–418. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-2-413-418>

Махно Л. Л. Социальное служение Русской Православной Церкви: история и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 4. — С. 69–79. <https://doi.org/10.24411/2071-6141-2020-10405>

Петрова И. Э. Социальное учение и социальное служение конфессиоанльных организаций в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2009. — № 3. — С. 289–293.

Печатнов В. В. Церковь и внешняя политика России: традиции, тенденции, перспективы // Концепт: философия, религия, культура. — 2017. — № 1. — С. 151–153.

Пибаев И. А. Конституционно-правовое регулирование статуса религиозных служителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — № 57. — С. 454–475. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-57-454-475>

Пибаев И. А. Нормативные правовые акты, регламентирующие социальные права священнослужителей Русской Православной Церкви: некоторые зарисовки об источниках регулирования статуса духовенства // Христианское чтение. — 2025. — № 1. — С. 129–142. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2025_1_129

Сипягина Е. А. Социальное служение Русской Православной Церкви в современной историографии (1998–2008 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. — 2019. — Т. 25, № 1. — С. 88–91.

Сметанина Т. А. Церковь и государство в контексте глобализации // Вестник Нижегородской правовой академии. — 2015. — № 6. — С. 78–80.

Солнышкина М. Г., Миронова Т. Д. Социальное служение РПЦ: взаимодействие институтов государства и церкви в области социальных программ // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 3. — С. 208–215. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.3.18>

Томилина Л. Б. Институциональные практики социального служения Русской Православной Церкви и российская система социальной работы // Гуманитарий Юга России. — 2018. — Т. 7, № 2. — С. 214–222. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.2.18>

Узланер Д. А. Религия и политика: неразрывный симбиоз? // Россия в глобальной политике. — 2019. — Т. 17, № 1. — С. 10–23.

Феномен регионализма в условиях современных вызовов / А. Я. Капустин, В. Р. Авхадеев, Я. Н. Аду, и др. — Москва: Норма, ИНФРА-М, 2024. — 240 с. <https://doi.org/10.12737/2144779>

Черкашин М. И. Этатизация как глобальный процесс // Вестник ученых-международников. — 2020. — № 3. — С. 58–77.

Шиманская О. К. Специфика работы православных церквей ЕС с украинскими беженцами // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2022. — № 4. — С. 152–163. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran4202215213>

Шленов Д. Осуждение филетизма/этнофилетизма на Константинопольском соборе 1872 г.: критические замечания // Богословский вестник. — 2023. — № 3. — С. 245–283. <https://doi.org/10.31802/GB.2023.50.3.012>

Aleksov B. Religion and Politics in the Orthodox World: the Ecumenical Patriarchate and the Challenges of Modernity // Middle Eastern Studies. — 2019. — Vol. 55, No 3. — P. 479–480. <https://doi.org/10.1080/00263206.2019.1568996>

Annicchino P. Comprehensive Security and Religion: Moving Away from the Securitization Zeitgeist in the Digital Transition // The Review of Faith & International Affairs. — 2022. — Vol. 20, No 4. — P. 62–67. <https://doi.org/10.1080/15570274.2022.2139504>

Denysenko N. Explaining Ukrainian Autocephaly: Politics, History, Ecclesiology, and the Future // Canadian Slavonic Papers. — 2020. — Vol. 62. No 3–4. — P. 426–442. <https://doi.org/10.1080/00085006.2020.1834706>

Dunajeva J., Koesel K. Obstacles to Covenantal Pluralism in Contemporary Russia // The Review of Faith & International Affairs. — 2025. — Vol. 23, No 1. — P. 1–14. <https://doi.org/10.1080/15570274.2025.2454808>.

Elenskii V. Ukrainian Orthodoxy and the Ukrainian Project. The Churches and "Unforeseen Statehood" in an Age of Religious Revival // Russian Social Science Review. — 2015. — Vol. 56, No 3. — P. 63–89. <https://doi.org/10.1080/10611428.2015.1070633>

Elsner R. The role of Orthodoxy in Ukraine's Response to War: from Politics to Theology // Canadian Slavonic Papers. — 2025. — Vol. 67, No 1–2. — P. 129–146. <https://doi.org/10.1080/00085006.2025.2500198>

Grigoriadis I. N. The Ecumenical Patriarchate as a Global Actor: Between the End of the Cold War and the Ukrainian Ecclesiastical Crisis // The Journal of the Middle East and Africa. — 2022. — Vol. 13, No 3. — P. 345–358. <https://doi.org/10.1080/21520844.2022.2075662>

Groen B. J. Nationalism and reconciliation: Orthodoxy in the Balkans // Religion, State and Society. — 1998. — Vol. 26, No 2. — P. 111–128. <https://doi.org/10.1080/09637499808431814>

Hofmeisterová K. Ecclesiastical Nationalism and Primacy in World Orthodoxy: the Case of the Serbian Church at the Pan-Orthodox Council in Crete // Religion, State and Society. — 2019. — Vol. 47, No 3. — P. 341–357. <https://doi.org/10.1080/09637494.2019.1609226>

Loudovikos N. Nations in the Church: towards an Eschatological Political Anthropocentrism? // International Journal for the Study of the Christian Church. — 2012. — Vol. 12, No 2. — P. 131–147. <https://doi.org/10.1080/147225X.2012.694054>

Louth A. Orthodoxy and the Problem of Identity // International Journal for the Study of the Christian Church. — 2012. — Vol. 12, No 2. — P. 96–104. <https://doi.org/10.1080/1474225X.2012.711568>

Mandaville P. Right Sizing Religion and Religious Engagement in Diplomacy and Development // The Review of Faith & International Affairs. — 2021. — Vol. 19, No 1. — P. 92–97. <https://doi.org/10.1080/15570274.2021.1983345>

Stoeckl K. Russia's Spiritual Security Doctrine as a Challenge to European Comprehensive Security Approaches // The Review of Faith & International Affairs. — 2022. — Vol. 20, No 4. — P. 37–44. <https://doi.org/10.1080/15570274.2022.2139536>

Stoeckl K. Traditional Values, Family, Homeschooling: The Role of Russia and the Russian Orthodox Church in Transnational Moral Conservative Networks and Their Efforts at Reshaping Human Rights // International Journal of Constitutional Law. — 2023. — Vol. 21, No 1. — P. 224–242. <https://doi.org/10.1093/icon/moad026>

References:

Aleksov, B. (2019) 'Religion and Politics in the Orthodox World: the Ecumenical Patriarchate and the Challenges of Modernity', Middle Eastern Studies, 55(3), pp. 479–480. <https://doi.org/10.1080/00263206.2019.1568996>

Annicchino, P. (2022) 'Comprehensive Security and Religion: Moving Away from the Securitization Zeitgeist in the Digital Transition', The Review of Faith & International Affairs, 20(4), pp. 62–67. <https://doi.org/10.1080/15570274.2022.2139504>

Antonova, O. I. and Kostina, N. B. (2009) 'Religious Communities Role in Social Policies Organization', Sociologičeskie issledovaniâ, (9), pp. 89–96. (In Russian).

Bardier, G. L. (2018) 'Operationalization of Semantic Relations between the Concepts of "Social Responsibility", "Social Capital", "Social Ministry (Social Servis)"', Acta Eruditiorum, (25), pp. 69–71. (In Russian).

Belova, T. P. (2011) 'Zhenskoe pravoslavnoe obshchestvennoe dvizhenie v sovremennoi Rossii [Women's Orthodox Social Movement in Modern Russia]', Woman in Russian society, (2), pp. 101–108. (In Russian).

Cherkashin, M. I. (2020) 'Etatization as Global Process', IR Scientists' Herald, (3), pp. 58–77. (In Russian).

Denisova, L. E. (2014) 'Women in the Context of Diaconal Ministry of the Russian Orthodox Church', Teoriâ i praktika obšestvennogo razvitiâ, (17), pp. 157–160. (In Russian).

Denysenko, N. (2020) 'Explaining Ukrainian Autocephaly: Politics, History, Ecclesiology, and the Future', Canadian Slavonic Papers, 62(3–4), pp. 426–442. <https://doi.org/10.1080/00085006.2020.1834706>

Dunajeva, J. and Koesel, K. (2025) 'Obstacles to Covenantal Pluralism in Contemporary Russia', The Review of Faith & International Affairs, 23(1), pp. 1–14. <https://doi.org/10.1080/15570274.2025.2454808>.

Elenskii, V. (2015) 'Ukrainian Orthodoxy and the Ukrainian Project. The Churches and "Unforeseen Statehood" in an Age of Religious Revival', *Russian Social Science Review*, 56(3), pp. 63–89. <https://doi.org/10.1080/10611428.2015.1070633>

Elsner, R. (2025) 'The role of Orthodoxy in Ukraine's Response to War: from Politics to Theology', *Canadian Slavonic Papers*, 67(1–2), pp. 129–146. <https://doi.org/10.1080/00085006.2025.2500198>

Grigoriadis, I. N. (2022) 'The Ecumenical Patriarchate as a Global Actor: Between the End of the Cold War and the Ukrainian Ecclesiastical Crisis', *The Journal of the Middle East and Africa*, 13(3), pp. 345–358. <https://doi.org/10.1080/21520844.2022.2075662>

Groen, B. J. (1998) 'Nationalism and Reconciliation: Orthodoxy in the Balkans', *Religion, State and Society*, 26(2), pp. 111–128. <https://doi.org/10.1080/09637499808431814>

Hofmeisterová, K. (2019) 'Ecclesiastical Nationalism and Primacy in World Orthodoxy: the Case of the Serbian Church at the Pan-Orthodox Council in Crete', *Religion, State and Society*, 47(3), pp. 341–357. <https://doi.org/10.1080/09637494.2019.1609226>

Kapustin, A. Ya. et al. (2024) *Phenomenon of Regionalism in the Context of Modern Challenges*. Moscow: Norma, INFRA-M. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2144779>

Kasatkin, P. I. (2010a) 'The Role of Religious Actors in Modern Global Political Processes', *MGIMO Review of International Relations*, (1), pp. 257–261. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-1-10-257-261>

Kasatkin, P. I. (2010b) 'The Russian Orthodox Church as an Actor in Modern World Politics', *MGIMO Review of International Relations*, (6), pp. 141–151. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-141-151>

Kaspe, S. I. (2019) 'Ukrainskii tserkovnyi raskol: politicheskie proektsii [The Ukrainian Church Schism: Political Projections]', *Russia in Global Affairs*, 17(1), pp. 80–93. (In Russian).

Kostyleva, T. A. (2013) 'Categories of Social Service and Main Concepts Related', *Omsk Scientific Bulletin*, (3), pp. 89–92. (In Russian).

Loudovikos, N. (2012) 'Nations in the Church: towards an Eschatological Political Anthropocentrism?', *International Journal for the Study of the Christian Church*, 12(2), pp. 131–147. <https://doi.org/10.1080/1474225X.2012.694054>

Louth, A. (2012) 'Orthodoxy and the Problem of Identity', *International Journal for the Study of the Christian Church*, 12(2), pp. 96–104. <https://doi.org/10.1080/1474225X.2012.711568>

Lunkin, R. N. (2018) 'Russkoe pravoslavie pered litsom sotsial'nykh vyzovov: volontерство i khristianskaia reabilitatsiia grupp riska [Russian Orthodoxy in the Face of Social Challenges: Volunteering and Christian Rehabilitation of At-Risk Groups]', *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, (2), pp. 156–171. (In Russian).

Lunkin, R. N. (2020a) 'Social and Political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church', *RUDN Journal of Political Science*, 22(4), pp. 547–558. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558>

Lunkin, R. N. (2020b) *The Churches in Politics and the Politics in the Churches. How the Christianity Changes the European Society*. Moscow: Nestor-Istoriia. (In Russian).

Makhno, L. L. (2020) 'Social Service of the Russian Orthodox Church: History and Modernity', *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (4), pp. 69–79. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2071-6141-2020-10405>

Mandaville, P. (2021) 'Right Sizing Religion and Religious Engagement in Diplomacy and Development', *The Review of Faith & International Affairs*, 19(1), pp. 92–97. <https://doi.org/10.1080/15570274.2021.1983345>

Maslakova, A. V. and Lipich, V. V. (2023) 'Religious Prerequisites of the Social Concept of the Russian Orthodox Church', *Nomothetika: Philosophy, Sociology, Law*, 48(2), pp. 413–418. (In Russian). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-2-413-418>

Pechatnov, V. V. (2017) 'The Church and Foreign Policy of Russia: Traditions, Trends, Prospects', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, (1), pp. 151–153. (In Russian).

Petrova, I. E. (2009) 'Social Doctrine and Social Service of Confessional Organizations in Russia', *Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N.I. Lobačevskogo*, (3), pp. 289–293. (In Russian).

Pibaev, I. A. (2022) 'Constitutional Regulation of the Status of Religious Ministers', *Perm University Herald. Juridical Sciences*, (57), pp. 454–475. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-57-454-475>

Pibaev, I. A. (2025) 'Normative Legal Acts Regulating Social Rights of Clergy of Russian Orthodox Church: Some Sketches on Sources of Regulation of Clergy Status', *Khristianskoye Chteniye*, (1), pp. 129–142. (In Russian). https://doi.org/10.47132/1814-5574_2025_1_129

Shimanskaya, O. K. (2022) 'Specifics of Work of Orthodox Churches of the EU with Ukrainian Refugees', *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, (4), pp. 152–163. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran42022152163>

Shlenov, D. (2023) 'The Condemnation of Phyletism/Ethnophyletism at the 1872 Council of Constantinople: Critical Notes', *Theological Bulletin*, (3), pp. 245–283. (In Russian). <https://doi.org/10.31802/GB.2023.50.3.012>

Sipyagina, Ye. A. (2019) 'Social Service of the Russian Orthodox Church in Modern Historiography (1988–2008)', *Vestnik of Kostroma State University*, 25(1), pp. 88–91. (In Russian).

Smetanina, T. A. (2015) 'Tserkov' i gosudarstvo v kontekste globalizatsii [Church and State in the Context of Globalization]', *Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii*, (6), pp. 78–80. (In Russian).

Solnyshkina, M. G. and Mironova, T. D. (2019) 'Social Service of the Russian Orthodox Church: The Interaction of State and Church Institutions in the Field of Social Programs', *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (3), pp. 208–215. (In Russian). <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.3.18>

Stoeckl, K. (2022) 'Russia's Spiritual Security Doctrine as a Challenge to European Comprehensive Security Approaches', *The Review of Faith & International Affairs*, 20(4), pp. 37–44. <https://doi.org/10.1080/15570274.2022.2139536>

Stoeckl, K. (2023) 'Traditional Values, Family, Homeschooling: The Role of Russia and the Russian Orthodox Church in Transnational Moral Conservative Networks and Their Efforts at Reshaping Human Rights', *International Journal of Constitutional Law*, 21(1), pp. 224–242. <https://doi.org/10.1093/icon/moad026>

Tomilina, L. B. (2018) 'Institutional Practices of Social Service of the Russian Orthodox Church and Russian System of Social Work', *Humanities of the South of Russia*, 7(2), pp. 214–222. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.2.18>

Uzlaner, D. A. (2019) 'Religija i politika: nerazryvnyi simbizo? [Religion and Politics: An Inseparable Symbiosis?]', *Russia in Global Affairs*, 17(1), pp. 10–23. (In Russian).

Venediktov, V. Yu. (2017) 'On the Problem of Ethnophyletism: A Historical Study. Part IV', *Studia Humanitatis*, (2), pp. 14. (In Russian).

Zaltzman, T. V. (2012) 'Social Ministry as a Type of Church Social Work', *Učenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, (7), pp. 26–28. (In Russian).

Zenkov, A. R. (2019) 'The Activity of the Russian Orthodox Church in the Social Sphere: Institutions and Social Practices', *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20(4), pp. 67–73. (In Russian). <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-63-73>

Zubanova, S. G. (2016) 'The Character of Church and State Relations in the Historical Retrospective Review and the Legal Foundation of the Social Practices of the Russian Orthodox Church', *Society: Philosophy, History, Culture*, (2), pp. 50–57. (In Russian).

Zuev, Yu. P. (2010) 'Social Concepts of Religious Communions in Russia: First Steps to Self-Determination', *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 28(4), pp. 35–45. (In Russian).

Информация об авторе

Вартан Арсеньевич Эриян — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Vartan A. Eriyan — PhD in History, Lecturer of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 31.10.2025; принятая к публикации 26.11.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 31.10.2025; accepted for publication 26.11.2025.